Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Специально для «АМ » Елена Говор переводит на русский язык свою книгу, вышедшую в свет по–английски, My Dark Brother. Эта книга повествует о семье русских иммигрантов Ильиных, поселившихся в Австралии в 1910 году и крепко связавших свою судьбу с австралийскими аборигенами. Глава, предлагаемая сегодня, абсолютно новая и написана совсем недавно сразу по–русски. Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — http://elena.id.au

ЕЛЕНА ГОВОР

Мой темнокожий брат

ПРЕЛЮДИЯ

Потаенная история любви

В 1996 ГОДУ ДОЖДЛИВЫМ вечером в Маланде, на плато Атертон, мы сидели на кухне у Маргарет, когда Вера Кетчел принесла целый мешок писем и бумаг, хранившихся у ее отца Дика. Маргарет, дочь Флоры, и Вера были двоюродными сестрами, внучками Леандро. Я бросилась разбирать эту кучу бумаг, большую часть которых, к счастью, не успели изгрызть мыши и тараканы. И тут в мою руку легло письмо на русском языке от 3 октября 1910 года. Сквозь выцветшие чернила до меня донеслись пронзительные слова из далекого прошлого: «Ленушка, если б ты знал, как стало скверно с тех пор, как ты уехал!»

«Ленушка…» — так называла его только мама в детстве. Но теперь так ласково писала ему русская девушка, которая осталась в Брисбене, когда он вынужден был вернуться к своей семье на плато Атертон, где они только–только взяли земельные участки. Восемьдесят шесть лет назад, где–то недалеко отсюда, Леандро читал и перечитывал это письмо, вслушиваясь в такой же тропический дождь, что шумел сейчас за окном. Это был его второй месяц в Австралии, в новом краю; никто не мог бы в то время предугадать, какая судьба его ждала или, вернее, какую судьбу он выберет для себя. И через всю эту судьбу он пронесет именно этот листок, покрытый поблекшими, стремительными буквами, — со своих первых до последних австралийских дней. А затем, еще пятьдесят лет, уже немой, этот листок будет колесить по Австралии с его сыном Диком, пока не кончит свой путь в Вериной кладовке. Листок из книги без начала и конца. Надеюсь, что теперь, когда с того далекого дня прошло почти сто лет, мы вправе прочитать это письмо.

3.10.1910
Brisbane

Ленушка, если б ты знал, как стало скверно с тех пор, как ты уехал! Во–первых — ужасная тоска, а во вторых — целая история: вчера вечером мы были у пастора (он нас звал), мама, говоря о том, какую я хочу работу, сказала, что я могу преподавать французский в школе. Ты понимаешь, Лена, какая это нелепость?! Когда мы шли домой, я маме на это возразила, что не считаю себя достаточно сильной и не могу идти на скандал, чтобы меня выгнали и потом уже больше не принимали никуда. Она рассердилась, начались обычные возражения: если бы она училась в такой гимназии как я, да если бы ей нанимали гувернанток, так она даже не колебалась бы… etc, etc… Кончилось, конечно, тем, что мы поссорились, и мама «во гневе» сказала, что ей решительно наплевать, куда

бы я не уехала и не поступила. Это по крайней мере было сказано искренно! А я, Ленушка, если бы я хоть немного лучше говорила, я бы может и устроилась, а теперь просто не знаю, куда идти и что делать! Всю ночь об этом думала и так ничего почти и не решила.

Ты спрашиваешь, искренно ли я написала «до скорого свидания» — конечно да! Но только под условием — излечись от сумасшествия (иначе не могу назвать, т.к. любить меня нормальный человек не может). Лена, еще один вопрос — очень важный — напиши мне всю правду того, чего я боюсь (я не пишу слова, т. к. письмо может попасть в чьи–либо нежелательные руки); надеюсь ты меня понимаешь? Напиши правду и все, т.к. узнать позже будет гораздо хуже. Я не угрожаю, Лена, а просто очень эгоистична и забочусь о себе, как не противна мне моя жизнь, а все же думаю застрелиться не хватит… право не знаю чего — глупости или мужества.

Куда деваться от тоски.

Лена, очень, очень прошу тебя, не заговаривай обо мне со своими, и даже наоборот, если кто–нибудь будет говорить обо мне — устранись от разговора и только, ради Бога, не защищай меня; пусть между собой они говорят обо мне, что им угодно, хуже правды все равно не скажут.

До свидания. Лена — пиши чаще.

М.[1]

«М.» — это было все, что оставила эта своевольная девушка для наших любопытных глаз. И все же скупые факты начинали выстраиваться в некую цепь. Ильины прибыли в Брисбен 5 сентября 1910 года и, согласно сведениям в натурализации, в то время как вся семья через неделю отправилась на плато Атертон, Леандро остался в Брисбене до конца сентября. Я уже давно задавалась вопросом — что же могло задержать его в Брисбене в такой важный момент, когда они спешили выбрать хорошие земельные участки. И письмо М. неожиданно ответило на этот вопрос — любовь.

Из письма было очевидно, что ее семья — культурная, но нуждающаяся, недавно приехала в Австралию, но в то же время она и Леандро близко знали друг друга, более того, она, казалось, уже успела настроить его семью против себя. Когда же это все могло произойти, спрашивала я себя, и тут мне вспомнилась строка из пассажирских списков корабля «Омра», на котором они приплыли из Англии: «Мэри, Борис и Людмила Даниель» — русская семья, тоже приехавшая из Лондона, числившаяся под рубрикой 'farm–hands' — что–то вроде батраков, которых Австралия с удовольствием принимала. Мэри или Людмила–Мила и были, вероятно, нашей таинственной «М.»

Я тут же занялась выяснением судьбы Даниелей в Австралии, но, увы, на экранах компьютеров и аппаратов для чтения микрофильмов было только «нет»: Даниелей не было среди получивших натурализацию, среди избирателей, среди вступивших в брак и умерших. Как–то я рассказала о своем бесплодном поиске Николаю Дмитровскому, брисбенскому историку русской Австралии, и произошло чудо — он вспомнил заметку о семье Даниелей, появившуюся в журнале «Чужбина», выходившем в Брисбене в 1930 году.[2] Заметка была посвящена памяти Евгения Васильевича Даниель, работавшего на постройке КВЖД — Китайско–Восточной железной дороги. Евгений Васильевич, энергичный, обаятельный, открытый человек, занимал ответственную должность уполномоченного по сношению с китайскими властями. И он и его семья пользовались в тех краях большой популярностью. Его жена, Мария Степановна, была первой русской женщиной, открывшей двери своего дома для китайских сановников — это сразу заслужило ей любовь среди местного населения. Когда она ехала по железной дороге, китайцы встречали ее почетным караулом с музыкой; а в день ее именин в Гирине, где они жили, во всех храмах служились молебствования. Упоминались в заметке и дети–подростки Даниелей — сын Борис и «прелестная дочурка Милочка». Еще в заметке говорилось, что, разойдясь с мужем, Мария Степановна с детьми уехала то ли в Новую Зеландию, то ли в Австралию.

Этого было достаточно, чтобы я как палеонтолог, который по одной косточке воссоздаёт вымершее животное,

[1] М. — Лендро Ильину. — Архив Веры Кетчел, Маланда, Австралия.

[2] А. Гзель, Памяти Евгения Васильевича Даниель. — Чужбина, Брисбен, 1930, № 5, с.18–19.

попыталась восстановить потаённую историю этой любви.

Итак, Ильины познакомились с семьёй Даниель на «Омре» — с Мэри, амбициозной женщиной, привыкшей к роскоши и преклонению, и переживающей теперь жизненный кризис, с ее сыном Борисом, возраст которого — 21 год — позволил им взять льготные билеты на пароход, и с Милой, 16–летней гимназисткой, замаскированной в качестве «батрачки».[3] После пошлых чиновников, которых Милочка встречала в доме отца на Дальнем Востоке, Леандро — честный, прямой молодой человек, отважный охотник, исходивший таинственные Анды, страстный защитник униженных и оскорбленных, — должно быть показался ей настоящим человеком, первым настоящим человеком в ее жизни, и она была готова часами слушать его рассказы о жизни в Патагонии. Неожиданно для обоих их любовь вспыхнула под яркими южными звездами во время долгого плавания. Но вот путешествие подошло к концу; в Брисбене, в Эмигрантском депо, им предстояло посмотреть в глаза действительности. Леандро, которому было уже 28 лет, несомненно открыл ей свое сердце, но его беспокоило, что эта девушка, еще полуребенок, увлекшись им, может спутать настоящую любовь с потребностью в защитнике–друге, которого ей так не хватало в ее нынешней семье. А он, имеет ли он право воспользоваться этим? Да в любом случае, что он может предложить ей — хижину в джунглях? К тому же ее мать постарается держаться подальше от радикальных Ильиных, которые в жизни руководствовались идеями, а не здравым смыслом. У нее были совсем другие планы относительно будущего ее детей. В конце концов Миле и Леандро пришлось расстаться.

Мне долго не удавалось узнать, что же стало с Милой после отъезда Ильиных на плато Атертон. Она, казалось, исчезла как песчинка в океане мироздания, унеся с собой свой мятежный мир…

В 2000 году книга с этой главкой о потаенной истории любви была опубликована, но судьба Милы не выходила у меня из головы, и когда в 2003 году я поехала на конференцию в Веллингтон, столицу Новой Зеландии, я нашла несколько часов, чтобы посетить там Национальный архив. И здесь меня ждала неожиданная находка — два дела о натурализации — Бориса и Мэри Степановны Даниель, урожденной Рудневой. «Мой муж покинул меня, — сообщает Мэри полицейскому, — и я решила уехать в Новую Зеландию, так как слышала, что это хорошее место». В Австралии, как выяснилось, Даниели провели всего несколько месяцев. Не сумев тут устроиться, в январе 1911 г. они приехали в Новую Зеландию и поселились в Крайстчерче. Борис здесь окончил колледж и стал инженером–электриком; в 1935 г. он жил с матерью по адресу 22 St Asaph Street и все еще не был женат. Мэри зарабатывала на жизнь, давая частные уроки рисования и изящного плетения, однако годы депрессии поставили ее на грань нищеты, и она едва сводила концы с концами. А Мила? Мила вышла здесь замуж и в 1920 г. умерла в Данидине… Когда я вышла из архива, хлестал косой дождь, очень под

Том с отцом и старшей сестрой Мервина Тельмой

[3] Register of Immigrants, QSA: IMM/132, p. 115.

Вверху: **На могиле Милы.**

Ниже: **Дом, где жила Мила**

стать моему настроению. Вот я и узнала конец истории.

Шли годы, но судьба этой девушки, занесенной в далекий Данидин, не оставляла меня. И вот, в 2006 году, новая конференция и как раз в Данидине. Чудесный городок, раскинувшийся на холмах вокруг залива, врезавшегося в южный берег острова. В 1886 году русский корвет «Вестник», зашедший в Новую Зеландию, так напугал местных жителей, что всю оконечность мыса, на котором гнездятся альбатросы да пингвины, изрыли подземной системой укреплений для защиты от русского вторжения. Но я, конечно, первым делом отправляюсь в местный архив–библиотеку. И снова аппарат для чтения микрофиш и микрофильмов — сколько же за ним делается открытий! Я просматриваю имена всех умерших в 1920 году и вот — единственная Людмила, Ludmila Mackay. Теперь пленка с записями о вступивших брак — да, это была она, так как есть запись о вступлении в брак Людмилы Руднев Даниель с Джозефом Маккаем в 1919 году. Может быть, если я найду семью Джозефа Маккая, мне удастся узнать что–то о судьбе Милы? Как она умерла, отчего? И снова пленки, я выясняю даты смерти Джозефа и его второй жены, потом смотрю извещения о смерти в газетах за эти дни — выясняю имена их соболезнующих детей, а вечером, с телефона–автомата в колледже, где я живу, начинаю обзванивать всех данидинских Маккаев. Нелегкая это работа… Но вот один из Маккаев, Мервин, припоминает, что у его отца Джозефа первая жена умерла и у них остался сын по имени Том. Мервин, родившийся в 1933 году, Тома никогда не видел, но приглашает меня придти. Утром я стучусь в дверь гостеприимного дома Мервина, а он, уже заразившись моим энтузиазмом, протягивает мне свою находку — фотографию Тома с отцом и старшей сестрой Мервина Тельмой. Том Маккай… неужели сын Милы, неужели ниточка не прервалась, и где–то живут ее внуки и правнуки? Но как найти их? Жена Мервина припоминает, что кто–то из дочерей Тома, занимаясь семейной историей, когда–то пытался установить с ними связь, но никто в их семье не проявил к ней интереса и не знает, где они живут.

Я снова еду в архив, смотрю списки родившихся в 1920 году. Так и есть — Том Руднев Маккай, Милин сын, родившийся за несколько дней до ее смерти. Теперь я иду по проторенной дорожке — ищу дату смерти Тома и смотрю газетные извещения. Увы, у него было три дочери, но ни одного сына. Дочери несомненно повыходили замуж и сменили фамилии, а эта информация закрыта. Снова тупик. Словоохотливая сотрудница архива, узнав, чем я занимаюсь, советует мне послать запрос в горсовет Данидина относительно места погребения Милы. На следующий день я получаю от них е–маил с информацией о том, что Мила похоронена на кладбище Андерсон Бей и номер ее могилы. Воскресенье. Автобус идет только до района Сент–Клер на берегу моря. Кладбище где–то дальше по берегу, но я сначала брожу по Сент–Клеру и нахожу дом, где жила Мила — 6 Альберт–стрит. Он, как

кажется, с тех времен и не перестраивался. Отсюда совсем недалеко до моря. Вот тут, по этой эспланаде она гуляла — молодая, влюбленная, счастливая.

Карты у меня нет, и я спрашиваю встретившуюся группу людей, как пройти к кладбищу. Оказывается, это далеко, километра три, но один из их компании вызывается меня провести туда. Мы идем, я рассказываю о Миле, упоминаю адрес и выясняется, что мой спутник не раз бывал в этом доме в детстве, там жил кто–то из его друзей. Но вот и кладбище на холме у моря, и Милина могила. На белом мраморе едва различима надпись «В память о Миле, возлюбленной жене Дж. Б. Маккая. Умерла 4 августа 1920 года в возрасте 26 лет». Но самое удивительное — маленькая табличка под ней — «В память Карен Степановны Рудневой–Маккай. Умерла 25 декабря 2000 г. в возрасте 49 лет. От Лайлы, Джейда и Омара». По возрасту — это дочь Тома, но почему у нее русское отчество?! А главное фамилия–то сохранилась, Руднева–Маккай. Да и у детей, правнуков Милы, какие необычные имена!

Утром, до отлета, у меня есть несколько часов, и я снова спешу в архив. Теперь списки избирателей — я знаю, кого искать. А где, так в конце–концов можно все избирательные округа Новой Зеландии проверить. И удача сопутствует мне снова, я нахожу Лайлу Рудневу–Маккай в Окленде, а ее брата Джейда — в Веллингтоне. Телефонный справочник — и вот у меня адрес Лайлы. Она, кстати, оказывается художником, работающим в жанре философских инсталляций, и художником–костюмером, ее имя значится в титрах недавно вышедшего фильма «Хроники Нарнии».

Письмо Лайле я посылаю уже из Австралии, и скоро получаю ее сдержанный ответ:

«Да, русское наследие нашей семьи мне очень дорого. К сожалению, моя мать была единственным членом нашей семьи, сохранявшим тесную связь с этим русским прошлым. Это было через Бориса. Он жил в Крайстчерче и моя мать там изучала языки в Кентерберийском университете. Русский был один из языков, которые она изучала, и она много практиковалась с Борисом. Поскольку Борис умер, когда мне было 10 лет, а мы жили в Нельсоне и он критически относился к моему отцу, я видела его всего пару раз, но моя мама рассказывала много историй о русских. Да, у меня есть пара фотографий Людмилы и ее портрет, написанный Мэри. У меня также есть ящик с дневниками и письмами Бориса и Мэри и ее рисунками».

Борис–тенишевец.

Ящик с дневниками — о такой удаче я даже и мечтать не могла. И вот через полтора года я в третий раз еду на конференцию в Новой Зеландии, на этот раз в Окленд, где живет Лайла. Теперь я наконец–то смогу познакомиться с ней и переснять ее замечательный архив. Это действительно был целый ящик бумаг, которые рассказывали историю эмигрантской семьи, заброшенной на край света. Их русское прошлое, их русские контакты — все постепенно вписывалось в русскую историю конца XIX — начала XX века.

Итак, мать Милы и Бориса — Мария Степановна, родилась в Петербурге в 1866 году в дворянской семье Рудневых, давшей России несколько выдающихся медиков. Врачом был и отец Марии. Несмотря на частые переезды семьи, Мария получила хорошее образование. В конце 1880–х годов она обучалась пению в Москве, и здесь встретила Евгения Васильевича Даниеля,[4] в то время студента Петровско–Разумовской академии. Той самой, где происходят события «Бесов» Достоевского. Оказалось, что это поветрие не прошло и мимо Евгения — в справочнике «Деятели революционного движения в России» о нем обнаружилась следующая заметка: «дворянин Орловской губ., сын землевладельца. Род. ок. 1863. В сред. 1880–х гг. — студент Петровской сельско–хозяйств. академии в Москве. Проживал в одной квартире с Яворовским. Обыскан в 1886; обнаружены рукописный «проект устава студенческой кассы», листок

[4] В некоторых документах эта фамилия писалась через э (Даниэль), однако, поскольку герои нашей истории в своих письмах использовали написание Даниель, я придерживаюсь именно этой формы.

с записями каких–то ежемесячных взносов и два письма Юргелевича с просьбой о присылке сказок Салтыкова–Щедрина. Привлечен в т. г. к дознанию при Московском ж. у. по делу о московском народовольческом кружке (дело М. Гоца, А. Сиповича и др.). Дознанием изобличен в близости и сочувствии «преступному обществу». По соглашению министров внутр. дел и юстиции дознание в отношении него в декабре 1887 прекращено. Распоряжением деп. пол. от 7 января 1888 подчинен негласному надзору в виду политической неблагонадежности. В начале 1890–х гг. жил в имении Старо–Борисово (Борисовского у. Минской губ.), где, по сведениям деп. пол., занимался «практическими работами по хозяйству».[5]

Именно в Старо–Борисове, в 1889 г., и родился их первенец, Борис; Людмила родилась в селе Рудня в Саратовской губернии в 1893 г., где Евгений получил должность лесничего. Затем последовала работа на КВЖД, где он постепенно поднялся до должности управляющего строительством. Когда детям подошла пора учиться, Мария Степановна поселилась с ними в Петербурге. Здесь Мила училась в престижных гимназиях Таганцевой и Стоюниной. Бориса же приняли в знаменитое Тенишевское училище, славившееся своим неказенным подходом к образованию, гуманистической системой воспитания и выдающимися педагогами. Литературу в нем преподавал, например, Владимир Гиппиус, поэт и историк литературы. Одновременно с Борисом в училище занимались Осип Мандельштам и Виктор Жирмунский, позже в него поступил Владимир Набоков, но самым близким другом Бориса стал Виктор Вайсбейн — мальчик из ассимилированной еврейской семьи. Его родителями были инженер–технолог Моисей Клементьевич (вероятно дядя будущей звезды советской эстрады Леонида Утесова, отца которого звали Иосиф Клементьевич Вайсбейн) и Мария Абрамовна — литератор, активно сотрудничавшая в литературно–просветительных журналах под псевдонимами М.Ван и др. В 1909 г. Вайсбейнов постигло большое горе — заболел и вскоре скончался их сын Виктор, друг Бориса. Среди друзей Бориса были и братья Витте. Тем временем Евгений Васильевич, оставшись один на Дальнем Востоке, полюбил другую женщину. Назрел разрыв, Мария Степановна выдвинула свое требование — выдать ей 30 тыс. рублей, отложенных на образование детей, а остальной капитал, нажитый совместным трудом, который составлял 50 тыс., разделить пополам. Только после этого она соглашалась на развод. Евгений Васильевич эти требования не принял и деньги на содержание семьи перестал высылать, так как вскоре у него родился сын, и он счел, что раз он не может дать незаконнорожденному ребенку свое имя, он даст ему хотя бы деньги. Мария Степановна, вопреки советам доброжелателей, не хотела поступиться принципами и от каких–либо полумер отказалась. В результате ей пришлось взвалить на свои плечи все финансовые расходы. «Перебивалась уроками рисования и музыки, сдачей комнат и приготовлением обедов, рисованием, стиркой белья, продажей имущества, часто сама не имея ни башмаков, ни калош, а детям штопая бесконечные дыры, лишая их многого, на что они имеют право», писала она о том времени своей подруге.[6] Надо сказать, что она была первоклассным иллюстратором, делая, например, рисунки к научным трудам С. Г. Навашина и А. Г. Столетова. Вопреки всем финансовым трудностям Мария Степановна с детьми побывала даже на Капри, в Италии. «Там нас посетили сестра и жена Малиновского [Богданова], — вспоминал Борис. — М. Горький был там и приглашал маму к себе, но она почему–то постеснялась. Художник Сорин тоже был там у нас»[7].

Следующая фраза в его воспоминаниях звучит совсем по–детски, хотя ему в то время был двадцать один год: «После Капри я узнал об Австралии и Новой Зеландии и мы решили туда переселиться (на заработки?)». Вопрос тоже его, как будто он и сам не знает, зачем они туда поехали.

[5] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. Интернетная версия: http://slovari.yandex.ru/dict/revoluc/article/re8/re8–0934.htm

[6] М.С. Даниель — М.А. Вайсбейн, ок. 01.1912 (черновик) — Здесь и ниже документы из архива Лайлы Рудневой–Макай, Окленд, Новая Зеландия.

[7] Борис Даниель. Записи по семейной истории.

Поехали они именно так, наудачу, бросив друзей и обжитую квартиру на Кирочной в Петербурге.

ИТАК, В ИЮЛЕ 1910 Г. Мария Степановна в детьми покинула Петербург; впереди были Лондон и путешествие на «Омре» и Брисбен. Последуем и мы за ними, но на этот раз нашей путеводной нитью будут не мои догадки, а письма, документы и рисунки из архива Лайлы, которые я пересняла в Окленде. Они и расскажут историю любви, любви Леандро и Милы, любви матери и сына.

В Эмигрантское депо в Брисбене на Кенгуру Пойнт они приехали 5 сентября. Даниели и Ильины могли оставаться там неделю, и Николай Ильин с сыновьями, как мы знаем, использовал это время для того, чтобы заняться поисками места для русской колонии, но Борис уже через два дня, получив информацию, что на овцеводческой ферме Вестланд под Лонгричем — «станции» по–австралийски — требуются рабочие, отправился в далекий путь, в жаркий негостеприимный северо–западный край Квинсленда. Этот застенчивый тихоня в очках хотел испытать себя, окунуться в подлинную австралийскую жизнь, пройти школу от простого сельского рабочего до — как знать? — управляющего. В то время как Осип Мандельштам, его соученик по Тенишевскому, начинал свою увлекательную игру со словами и образами в дождливом Петербурге, у Бориса в литературное произведение начала превращаться его собственная жизнь. Годы спустя он любил рассказывать байки о том, как он в отличие от других работников не имел своей пастушеской собаки и, когда надо было перегонять стада овец, лаял вместо нее, сидя верхом на лошади.[8] Только овцы, увы, не ценили его юмора.

Мария Степановна и Мила тем временем поселились в Брисбене под опекой Леандро. Они сняли комнатку недалеко от Эмигрантского депо по адресу 178 Baines St, Kangaroo Point, где Леандро и ночевал у них на веранде. И вот я открываю их дорожный альбом, купленный в Лондоне, полный зарисовок и записей. Первые страницы пестрят адресами и записями для памяти, сделанными поверх рисунков. Вот Мария аккуратно выводит по–английски адрес, куда отправляется Борис «Mr Boris Daniel, c/o Mr Colin Bell, Westland Station, Longreach». Тут же приписывает пояснение для себя «c/o — передайте». Большими буквами написана фирма карандашей, которые они собираются купить в магазине: «Koh–i–noor» с пояснениями по–английски. Да, они окунаются в английский язык с головой, они не боятся его, как другие малограмотные иммигранты. «Если ты знаешь французский и немецкий языки, то английский выучить не так уж сложно», — годы спустя скажет о своем, во многом сходном, опыте другая петербурженка — Лидия Ветошникова, которую в том же 1910 г. судьба тоже приведет в Австралию (но ее историю мы расскажем в другой раз).

«Омра» из архива Даниелей. Такая же открытка хранится в семье Ильиных.

Я продолжаю листать альбом. Зарисовки из плавания, хрупкая девушка у борта корабля с копной волос, перевязанных лентой, девушка в шезлонге (Мила?), английский флаг, берега Австралии. И незаконченный набросок Эмигрантского депо, а над ним — пронзительно голубое небо. Затем сценки из городской жизни Брисбена — дамы и девочки в пышных платьях, велосипедисты, вывески магазинов, развозчик товаров компании «A. Lewis» на Кенгуру Пойнт. Вот и имя их домохозяйки Mrs E Appleton, а на другой странице зарисовка дома на сваях на противоположной стороне их улицы (178 Baines Street) и группы играющих детей. А еще план кухонной плиты с пояснением, как ею пользоваться.

[8] Stan Darling, 'It took a Russian on Polar skis to get the message through', The Press, Christchurch, 12 July 1978.

Мария Даниель. Сценки из городской жизни Брисбена. Зарисовки из плавания.

А вот и письма. Сохранились не все, но и по сохранившимся можно восстановить хронику событий конца 1910 года.

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

18 сентября 1910 г. Письмо 2.

Дорогой Борюшка!

Я несколько раз справлялась на почте и в Em[igrant] House нет ли письма от тебя; как–то я была у Mr Brenan'a (он несколько раз говорил мне чтобы я заходила к нему наверх, он очень хороший старик, и я разговариваю с ним. Он сказал, чтобы я не очень скоро ждала от тебя письма, т.к. он от своего сына (который находится тоже на station недалеко от тебя) — тоже иногда долго не получает писем, когда он уйдет со скотом далеко от жилья; конечно, это меня немного успокаивает, но все же хотелось бы получить от тебя скорой вести, как здоров, как твоя работа, доволен ли ты? Трудно ли?

Я кончила портрет знатной «lady» отнесла в фотографию. За всю работу за неделю получила £2–5/ (2 фунта 5 шиллингов). Конечно, это было бы очень хорошо, если бы работа была постоянная; но пока больше работы у фотографа нет, и сам он уезжает куда–то на три недели; я пока буду ходить в его фотографию, учиться ретушировать портреты; за эту–то работу мне фотограф и предлагает 30 шил. в неделю; но я пока предпочитаю только выучиться «про запас», чтобы иметь возможность во всяком городе получить немедленно работу, так как ретушеры необходимы всегда в фотографии. Тебе может быть покажется, что разница между 30 шил. постоянными и случайно полученными 45 в неделю не велика, и как еженедельный заработок первое лучше; но при раскраске фотографий я работала по крайней мере в 3 раза меньше, чем это пришлось бы при ретушевке портретов, и я могу искать в то же время и другую работу. На этой неделе будем искать работу и для Милочки. Комнаткой своей мы довольны очень; все свободное время можно быть на большом балконе. У Леандра палец заживает; если бы там, где находишься ты, ему нашлась работа (ты ведь знаешь, что он знает всякую сельскую работу), — он говорит, что с удовольствием поехал бы туда же.

Целую тебя, мой дорогой милый Борюшка. Милочка целует. Леандр приветствует.

Мама

Напиши Бобонька, верно ли я адресую письма.

М. Д.

ЛЕАНДР ИЛЬИН — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

18 сентября 1910 г.

Милый Боря!

Ждем от Вас весточки каждый день, и так–таки ничего Вы не пишете. Отчего? Думаю, что верно нельзя было, а то Вы сдержали бы свое обещание. Хотелось бы знать, как Вам живется. Рука еще не зажила совсем, но уже закрылась струпом. Если бы Вы написали, что есть работа, то я может и приехал бы. Наугад ехать не стоит. Про остальное Вам верно все Марья Степановна написала, как мы пока живем. Думаете ли все еще брать землю? Отвечайте! Писать нечего. Ждем от Вас. Жму Вашу руку.

Леандр

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

25 сентября 1910 г. Воскресенье

Письмо третье

Дорогой мой Боринька!

Мне очень скучно без тебя, но я конечно буду терпеть, если тебе полезно побыть на «station» для твоих целей, лишь бы мне только знать, что ты здоров и удовлетворен своим делом. Если же ты не чувствуешь удовлетворения, а главное, если эта жизнь не укрепляет твоего здоровья — тогда ты без сожаления оставь это дело и приезжай назад в Брисбен. Какие–нибудь 40–50 рублей не составят для нас никакой разницы, и об этом надо думать меньше всего. Если у тебя будет время и охота, напиши мне, что ты думаешь дальше делать: учиться ли чему–нибудь, то есть какому–либо техническому делу, или твое желание — получить землю? Леандр все время советовал тебе взять землю, говоря, что тут это самое выгодное дело; советует брать столько, сколько можешь по закону, только советы не должны на тебя влиять сильно. Надо поступать так, как самому хочется. Во всяком случае — что бы ты не предпринял — тысяча рублей лежит здесь в банке для тебя неприкосновенно. Ты можешь истратить ее целиком или на свое образование (еду и жилище не считай, т.к. жить мы будем все вместе и найдется чем прокормиться). Или же, если сядешь на землю — мы тоже будем работать на земле все втроем — и я надеюсь, что будем тоже довольны, т.к. стоимость земли и хозяйства возрастает здесь с каждым годом. Сколько бы ты не пробыл на «station», когда будешь уезжать, непременно возьми от хозяина аттестат: чем ты был и что делал; может быть он тебе понадобится. Мои дела пока не особенно блестящи. Я побывала во всех фотографиях; в некоторых совсем не нужно раскраски, а еще в двух оставила свои работы на образец. После первого заработка получила еще 3 маленькие фотографии на раскраску; но во всяком случае эти две недели мы прожили на мой заработок, что меня очень радует. Милочка начала учиться ретушировать портреты, ходит учиться в ту фотографию, где я имею работу; для рисующего немного это наука не трудная и найти работу ретушеру в городе можно; я думаю, если она походит еще неделю — она может уже искать работы. Эта работа меньше всего требует знания языка. Кроме того на этой неделе помещу объявление в газете, что даю уроки рисования, а Милочка — что она ищет урок французского языка. Дорогой Борюшка, может быть тебе нужно денег — тогда напиши мне, или если надо скоро денег — телеграфируй — я переведу тебе тоже по телеграфу и тогда ты получишь скоро. Я послала тебе два письма; верно ли адресую? От тебя получила на днях открытку; целую тебя за нее крепко. Леандр уехал на днях домой — к своим родителям, они взяли землю недалеко от Cairns'a, в местечке Atherton. Когда Леандр уезжал, просил непременно написать, если вздумаешь брать землю, все советуют брать в тех местах, я шутя сказала, что если ты и будешь брать землю, то не ближе 50 верст от его родителей. Леандр просил передать тебе, что тогда он поедет, посмотрит и всячески поможет тебе. Целую тебя,

Мария Степановна Даниель

мой милый дорогой сынок. Милочка целует тебя нежно.

Мама.

Если мы до твоего приезда будем жить в той же комнате, ты можешь приезжать прямо к нам и спать на балконе, как провел две недели Леандр.

Письма можно писать на почту, как ты пишешь или по нашему адресу Brisbane, Kangaroo Point, 178 Baines St, Mrs Mary Daniel.

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

26 сентября 1910 г.

Письмо 4–е

Милый Бобонька!

Вчера я послала тебе письмо и вчера же ходила в банк, чтобы перевести наши деньги с lettre acreditive и положить их в банк, т.к. тогда мы не теряем процент с них (хотя очень маленький). Я положила их в тот же самый банк Government Savings Bank, где лежит наш переселенческий налог. (Этот банк удобен в том отношении, что там, если понадобится, можно из всей суммы взять некоторую часть, тогда как в Bank of Australia надо брать все и в определенный срок). Но по правилам этого банка на такого рода сберегательную книжку можно положить не больше £200 (иначе не будут идти проценты), а так как у нас всего с налогом £250, т.е. по–русски немного меньше 2500 р., то я и положила £150 на свое имя и £100 на твое. Теперь ты их полный хозяин и банк пришлет, или уже прислал тебе бланк, в котором ты должен подписаться по–английски — это для того, чтобы они имели образец твоей подписи — когда ты будешь предъявлять со временем требование в банк на выдачу тебе желаемой суммы. Только теперь — и всегда на будущее время — нигде без определенной надобности не пиши на пустых бумажках своего имени, потому что не раз бывали случаи, что нечестные люди вписывали потом над подписью какой–нибудь денежный документ или еще что–нибудь нежелательное, и тогда подписавшийся является ответственным за написанное. Еще запомни, дорогой мой сынок: никогда не надо ни в каких денежных делах ни за кого поручаться, да и вообще не следует; ручаться человек должен сам за себя; последствия этих поручительств бывают самые скверные и нередко поручатель платится всем, что имеет, и продолжает расплачиваться всю жизнь. Никому не говори о имеющихся у тебя в банке деньгах. Это будет самое лучшее. Ну, дорогой мой, — все письмо мое полно делами и нравоучениями.

Вчера мы отдали с Мишенькой[9] в газету «Telegraf» два объявления; я — что ищу уроков и работы по живописи, Милочка ищет уроков и занятий с детьми по–французски. Не знаю, что из этого выйдет.

Целуем тебя крепко, мой милый, дорогой, хороший мальчик. Вчера старик в банке, что выдавал мне твою и мою книжку, спрашивал, где ты; когда я сказала, что в Longreach'е у Colin Bell, он сказал, что знает его, показал на большой карте, сказал, что на реке Tomson и в 70 милях от Longreach'а.

Храни тебя Бог. Будь здоров и благополучен.

Мама.

До твоего приезда книжка хранится у меня.

Напиши, верно ли я написала адрес: так мне его написал старик в банке — может быть не так? Милый Борюшка.

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

30 сентября 1910 г.

Мой милый, хороший Боринька! Ты не знаешь, как я радуюсь твоим письмам; ты жив и здоров. Благодарю Бога день и ночь и прошу, чтобы вы, мои дорогие дети, были невредимы; а дорогу в жизни мы найдем — и нам будет хорошо. Я счастлива тем, что пройдет время разлуки, и мы опять будем вместе и создадим наш «home», где мне всегда бывает лучше всего на свете. Прошу тебя очень, не рискуй, будь осторожен при езде, при всякой работе, не рискуй здоровьем… Я могу переносить все, что угодно, у меня силы и физической и духовной очень много; но только чтобы вы были целы и невредимы. Все, с кем ни приходится здесь говорить о моем сыне, который уехал в Longreach на station — расспрашивают о тебе, большой ли ты и у кого ты; все говорят, что тебе должно быть первое время будет очень трудно, но что ты скоро привыкнешь и привяжешься к этому делу, и что все это будет очень полезно и нужно в жизни для тебя. Я утешаюсь этим, как могу, лишь бы это было действительно так и лишь бы это «первое время» поскорей миновало для тебя. Многие знают Mr'а Colin Bella'а и отзываются об нем с большой похвалой.

Я уже писала тебе, Борюшка, что мы напечатали объявления о работе в газете; пока еще никто не отзывался, но я надеюсь, что работа будет. Если Милочка не найдет урока — она

[9] Мишенька, Миша — это было ласковое семейное имя Милы, так ее называл и Леандро. — Е. Г.

поступит к детям. Вчера у меня был priest из St Mary's Church — которая находится здесь близко от нас на Kangaroo Point. Меня тронула настоящая христианская любовь вообще к человеку, который. может быть, нуждается духовно или материально, который, он слышал, иностранец, недавно приехал и никого не знает; priest не сказал мне этого прямо, но деликатно беседовал, справился о тебе, сказал, что он учился вместе с Mr Colin Bell в одном университете (кажется в Кембридже), отзывался о нем с большой похвалой, пожелал тебе удачи и счастья, спросил о Милочке, я позвала ее, познакомила с ним, сказала, что мы ждем работы, показала свои рисунки, которые он хвалил, по–видимому, от души и попросил, чтобы я сделала с него минутный набросок карандашом. Он сказал, что постарается достать мне работу. Затем он разговаривал со мною немного о России, о нашей литературе, школах, о Л. Н. Толстом, которого очень ценит как литературный талант и уважает как личность. Спрашивал об Иоанне Кронштадтском. Я сказала, что о нем самом мало что знаю, но его последователи мне не нравятся, хотя, может быть, они тоже прикрываются именем Кронштадтского. Priest с хорошими серьезными и добрыми глазами довольно хорошо понял все, о чем я говорила».

Портреты Вудса, сделанные Марией Даниель во время чаепитий в его гостеприимном доме и во время проповедей в церкви

Здесь мы сделаем отступление и скажем несколько слов о священнике Уильяме Майтланде Вудсе (1864–1927), который с таким участием отнёсся к Марии Даниель. Это действительно был необычный человек. Уроженец Лондона и выпускник Оксфорда, он выбрал путь священнослужителя и вскоре получил назначение в Австралию, на остров Четверга в Торресовом проливе. Оттуда он совершал поездки на Кейп–Йорк, к аборигенам. Во время первой поездки в 1891 г. к племени в районе реки Джардин он вместе с ними занялся постройкой большого дома, который защищал бы их от непогоды, работая то под проливным дождем, то по пояс в соленой воде, где они вырубали мангровы. «Мне было очень жаль расставаться с ними, — писал он, — поскольку некоторые из них стали мне настоящими друзьями, особенно один, который был готов скорее упасть от изнеможения, чем позволить мне помочь ему нести тяжёлый груз». Близкое знакомство с аборигенами привело его к убеждению, что эти «дикари» имеют такие же чувства, как и белые. В 1903 г. он стал настоятелем церкви Св. Мери на Кенгуру Пойнт в Брисбене, а уже несколько лет спустя возглавил манифестацию канаков (так в Австралии называли островитян Океании), вывезенных сюда для работы на плантациях. Они протестовали против депортации из Австралии, и Вудс добился их приёма у губернатора колонии. Не обошёл Вудс своим вниманием и русских, колония которых росла в Южном Брисбене, рядом с Кенгуру Пойнт. Именно в церкви Св. Мери начались богослужения для русских, которые проводил священник Николай Манович. Здесь же 26 декабря 1911 г. состоялось знаменательное собрание, положившее начало политическому объединению русских в Австралии, основанная в тот день организация войдёт в историю Австралии как Союз российских эмигрантов и Русская ассоциация и вскоре окажется в руках радикалов. А Вудс в 1915 г. вступит в Австралийскую армию и в качестве священника отправится с войсками на Галлиполи, а затем на Ближний Восток, где

откопает древнюю мозаику двухтысячелетней давности, которая ныне украшает Австралийский военный мемориал в Канберре. Там же, в Палестине, официальный военный художник Австралийской армии, Джордж Ламберт, уроженец России, сделал портрет Вудса, который тоже хранится в Военном мемориале.[10] Но, как оказалось, сохранились его портреты, сделанные Марией Даниель во время чаепитий в его гостеприимном доме и во время проповедей в церкви. Но вернемся к окончанию ее письма.

Милочка немного тоже начинает говорить, как маленькая птичка, которая слушает, слушает больших птиц и сама начинает немного чирикать. Леандр, уезжая, оставил ей «Братьев Карамазовых», и она зачитывается теперь целыми днями. Леандр с дороги шлет нам много открыток. Все они полны такой горячей любви и привязанности к нашей семье, что я считаю, мы еще не заслужили ее. Хотелось бы, чтобы эта привязанность не остыла в нем, а укрепилась. Чтобы дать тебе понятие, какое у него чуткое сердце — привожу содержание одной открытки: «Милые, хорошие мои! Как мне грустно, что я расстался с Вами. Зачем человеку дано сердце. Простите, что печалю Вас, но мне тяжело. Передайте привет Боре — я знаю, что ему тоже тяжело и трудно. Я готов даже Богу молиться, чтобы Вам было хорошо и чтобы хоть раз свидеться». Правда, хорошо и радостно от чужого человека видеть столько привета? Леандр просил непременно известить, что ты будешь дальше делать, и я обещала за себя и за тебя.

Дорогой мой сыночек! Ты не читай моих длинных писем, когда тебе некогда; я пишу тебе так много, потому что хочется всем делиться с тобою, хотя бы это было и не важно; а если у тебя есть свободное время, и тебе не хочется спать — тогда читай, и, может быть, ты тогда больше почувствуешь, что ты не один, что душа моя ни на минуту не расстаётся с тобой и тебе, может быть, сделается приятнее твой отдых.

За последние три портрета я еще не ходила в фотографии получать деньги, т.к. у нас еще есть. Mr Wailey — фотограф — уехал куда–то на три недели. По его приезде, я думаю, в фотографии опять будет работа. Пока нет заказной работы — я думаю нарисовать что–нибудь на бархате. Потрет Lady Hetherington моей раскраски — губернаторши, что ли, я не знаю — выставлен в фотографии на выставке.

Целуем тебя, сокровище мое, мой «саны», обе. Будь здоров и благополучен. Храни тебя Бог.

Мама.

В воскресенье пойдем с Милочкой в St Mary's Church.

Адресуй, Бобонька, письма прямо: Queensland, Kangaroo Point, Baines St, 178, Mrs Mary Daniel.

На третье октября приходится письмо Милы Леандро, написанное вскоре после его отъезда, с которого мы и начали свой рассказ. Из него ясно, что не все было так просто в их жизни, как писала Мария в письмах сыну. Писала это письмо Мила, кстати, в день своего семнадцатилетия, о котором, как кажется, никто и не вспомнил. ■

Продолжение в следующем номере

Мила Даниель

[10] J. P. Haldane–Stevenson, 'Woods, William Maitland (1864 — 1927)', Australian Dictionary of Biography, Vol. 12, Melbourne University Press, 1990, c. 566–567; Attempts to civilise the blacks, The Brisbane Courier, 30 March 1891, c. 6; Terrified Kanaks, The Advertiser, Adelaide, 23 July 1907, c. 6; Russians in Queensland, The Brisbane Courier, 28 Dec. 1911, c. 5.